

«OUR SINS ARE HEAVY»
AS PHRASEOLOGICAL ACTUALISATION OF N.S. LESKOV'S TEXTS

© 2015

M.I. Nosareva, post-graduate student
Bryansk State University, Bryansk (Russia)

Abstract. «An overlooked genius», «a wizard of the wording» – all this is about N.S.Leskov. That is the reputation he gained in the classical Russian literature, that is what he was called by Russian writers. N.S. Leskov had an interesting fate – having gained recognition and attention of his fellow writers, he had to wait far too long for the attention of philologists and linguists. Multilateral study of his work did not begin until second half of the XX century, when such linguists as Viduetskaya I.P., Ledeneva V.V., Aleshina L.V., Golovacheva OA, set themselves the goal of exploring N.S. Leskov's language, his idiostyle and idiolect.

In this paper we consider the functions of phraseology in N.S. Leskov's article «Our provincial life» («Byrzhevye vedomosti» №49, 1870). The most interesting aspect of the research is the analysis of how through the use of Russian phraseology N.S. Leskov vividly and emotionally expresses his standpoint in relation to many vital problems of the provincial Russian society and tries to identify and point out to the readers the causes of some social disasters like theft, lawlessness, mob law, drunkenness, railroad accidents. Among the phraseological units we analysed there are some expressing temporal semantics, an idiom of biblical origin, a unique proverb, recorded also in the V.I. Dal dictionary, and a few idioms with a pronounced emotional and expressive colouring. The study of N.S. Leskov's style and language is a promising field of linguistic research which may result in compiling the writer's vocabulary.

Key words: N.S. Leskov; journalism; idioms; metaphors; proverb; biblical themes; emotion.

УДК 330.341.42

ДИНАМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ АНАЛИЗА СЕКТОРНОЙ СТРУКТУРЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ
ЭКОНОМИК С СЫРЬЕВОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИЕЙ ЭКСПОРТА

©2015

В.А.Перепёлкин, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики
Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара (Россия)
Е.В.Перепёлкина, студентка факультета экономики и управления
Самарский государственный аэрокосмический университет имени академика С.П. Королёва (Национальный
исследовательский университет), Самара (Россия)

Аннотация. В статье представлена экономико-математическая модель анализа динамики развития секторной структуры экономик России и Норвегии. Проведен сравнительный анализ происшедших структурных изменений, сформулированы предложения по уменьшению зависимости от экспорта сырья. Структуроформирующее влияние добычи полезных ископаемых на экономику России при применении секторного разграничения по модели P-S-T выражается в увеличении в экономике удельного веса первичного сектора. Аналогично, но интенсивнее, протекал в рассматриваемый период времени процесс изменения секторной структуры экономики в Норвегии. Тренды динамики долей аналогичных секторов норвежской и российской экономик одинаково направлены, при несколько больших величинах отклонений от средних за период 2002-2012 гг. значений долей секторов в Норвегии. Асимметричность секторного роста экономики наряду с далёкой от оптимальности аллокацией ресурсов проявляется и в неравномерности распределения доходов. Режимы управления доходами государства от экспорта нефти в России и Норвегии вносят коррективы в процесс прохождения межсекторных сдвигов. Выявлена наиболее сильная связь в межсекторном развитии экономик России и Норвегии, которой является обратная зависимость между изменениями первичного и третичного секторов, когда увеличение доли первичного сектора сопровождается уменьшением доли третичного сектора и наоборот. Поддержка противодействующей силы продолжающейся структурной деградации в виде потенциально конкурентоспособных современных производств, технологически не интегрированных в комплекс по добыче и экспорту нефти и газа, но в среднесрочной перспективе субсидируемых за его счёт, является актуальной задачей для российской и норвежской экономик.

Ключевые слова: голландская болезнь; деиндустриализация; добыча нефти; межсекторные изменения; неторгуемые товары; сектор; терциаризация.

Модель структурного развития, при которой влияние материально-вещественной составляющей экономического роста последовательно уменьшается, основана на предложенном Алленом Фишером [1; 2], Жаном Фурастье [3], Колином Кларком [4] и Маркусом Вольфом [5] подразделении экономики на первичный (primary), вторичный (secondary) и третичный (tertiary) секторы (модель P-S-T). Занимая центральное место в обосновании эмпирически наблюдаемого перехода к постиндустриальному обществу, данная трёхсекторная модель отличается от разработанного Саймоном Кузнецом [6] деления экономики на сельское хозяйство (agriculture), промышленность (industry) и услуги (services) (модель A-I-S) прежде всего выделением из промышленности добычи полезных ископаемых и включением её в состав первичного сектора. Сохранявшаяся ещё несколько лет назад приверженность модели Кузнецова статистических ведомств ряда восточноевропейских стран во многом определялась желанием представить свои экономики менее сырьевыми и более индустриальными.

В своём анализе факторов секторальной функции ро-

ста Холлис Б. Ченери и Лэнс Тейлор относили горное дело к первичному сектору [7]. Возможность типологизации процесса структурной трансформации экономики для разных групп стран они обосновывали исходя из действия универсальных и специальных факторов. Наряду с характеристиками условий ведения производства, совокупного спроса, инвестиционной деятельности, к индикаторам действия универсальных факторов в гипотезе Ченери относятся показатели добычи и экспорта сырья.

Как главную причину роста и изменений в секторной структуре экономики Луиджи Пазинетти рассматривал обучение в процессе деятельности (работы) (learning by doing), происходящее через наблюдение, экспериментирование, ведение деятельности, взаимный обмен знаниями и умениями, обучение новым образцам поведения [8; 9; 10] (смотрите также работы Кеннета Эрроу [11], Пола Ромера [12] и Элвина Янга [13]). Возникновение новых и исчезновение старых секторов согласно данной теории вызывается инновациями: продуктовыми инновациями, поддерживаемыми изменением структуры потребления под влиянием роста реальных доходов, ко-

торый, в свою очередь, порождается технологическими инновациями. При этом со временем технологические инновации расходятся по секторам и отраслям, а продуктовые – остаются там, где возникли. Переходя от позитивного к нормативному анализу Луиджи Пазинетти обратился к проблеме сочетания структурных сдвигов и установления равновесия. С точки зрения развития экономической теории здесь важно, что в рамках разработанных условий равновесия регулярно происходящие структурные изменения не рассматриваются как препятствие гармоничному процессу роста.

Объяснение отклонениям от постиндустриального тренда секторального развития часто даётся исходя из сформулированной Тадеушем Рыбчинским теоремы, согласно которой из-за ограниченности располагаемых ресурсов существует прямая взаимосвязь между ростом факторов производства в одних частях экономики и депрессией или даже спадом в других её частях [14]. Случай, когда положительные результаты от подобным образом достигаемого расширения производства и увеличения экспорта в одном секторе или отрасли оказываются меньше отрицательных последствий для экономики в целом (в частности, начинается деиндустриализация) Джагдиш Бхагвати определил как разоряющий рост (Immiserising growth) [15]. Впоследствии начатое в 1981 г. Майклом Элманом [16] и продолженное другими авторами описание того, как по мере увеличения добычи природного газа происходила частичная деиндустриализация экономики Нидерландов получило в литературе название “голландской болезни” (Dutch Disease) [17; 18]. Задача избавления от “ресурсного проклятья” (Resource Curse) остаётся актуальной для целого ряда стран и оттого пути её решения активно обсуждаются учёными [19; 20].

В то же время удельный вес промышленного производства, наоборот, увеличивался, правда, разным темпом, в зависимости от модели секторного разграничения. Если, согласно разграничению по модели А-I-S, индустриальный сектор нарастил своё присутствие в структуре экономики в период 2002-2007 гг. на 3,58%, то, согласно разграничению по модели P-S-T, удельный вес вторичного сектора прибавил лишь на 0,19%. Учётно-статистический характер происхождения данного различия вполне очевиден: во вторичный сектор входят обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды, а также строительство, тогда как в индустриальный сектор сверх этого – добыча полезных ископаемых. Отсутствие последней в составе аграрного сектора при её включении в состав первичного сектора придало динамике удельных весов указанных секторов разную направленность движения: доля аграрного сектора сократилась на 1,88%, а доля первичного сектора приросла на 1,51%.

Сильное структуроформирующее влияние добычи полезных ископаемых на экономику России при применении секторного разграничения по модели P-S-T выражается в увеличении в экономике удельного веса первичного сектора. В отличие от описываемой в концепции трёх секторов картины структурных сдвигов, где в наибольшей степени сокращается первичный сектор, в меньшей степени – вторичный, а третичный сектор растёт, в российской экономике за 2002-2007 гг. произошло прямо противоположное: доля первичного сектора в экономике увеличилась на 1,51%, доля вторичного сектора – на 0,19%, а сократилась доля третичного сектора – на 1,7%. Следовательно, в годы сравнительно быстрого экономического роста угроза деиндустриализации российской экономики исходила вовсе не со стороны сектора услуг, как считали многие, а от экспансии первичного сектора в той его части, которая связана с добычей полезных ископаемых.

В данном отношении общеэкономический кризис 2008-2009 гг. и последовавший за ним период восстановления внесли некоторые коррективы в процесс структурного преобразования российской экономики, обусловленные большей устойчивостью к общеэкономическому спаду третичного сектора: если за 2008-2012 гг. удельный вес в экономике аграрного сектора уменьшился на 0,53%, то первичного сектора – увеличился на 1,02%; доля индустриального сектора уменьшилась на 0,12%, а вторичного сектора сократилась на 1,67%; удельный вес сектора услуг стал больше на 0,65%. В течение всего периода 2002-2012 гг. прирастал удельный вес в структуре российской экономики лишь того сектора, в состав которого включалась добыча полезных ископаемых: в разграничении по модели А-I-S это был увеличивший свою долю на 3,15% индустриальный сектор, а в разграничении по модели P-S-T – первичный сектор, куда перераспределась из других секторов 1,81% валовой добавленной стоимости созданной в стране. Таким образом, экспансия связанных с добычей полезных ископаемых видов экономической деятельности продолжает выступать главной движущей силой секторных сдвигов в экономике России и в XXI веке, определяя её основные структурные характеристики в статике и в динамике. В целом за период 2002-2012 гг. средние значения долей секторов в экономике составили: по первичному сектору – 14,3%, по вторичному сектору – 26,1%, по третичному сектору – 59,6%. При этом в 2012 г. отклонения от указанных средних значений равнялись +0,46% по первичному сектору, -0,99% по вторичному сектору и +0,53% по третичному сектору, т.е. вторичный сектор являлся донором и для первичного, и для третичного секторов.

Из рисунков 1-3 видно, что в отличие от наблюдавшейся по первичному и третичному секторам российской экономики слабо выраженной тенденции к повышению, линейный тренд динамики доли вторичного

Таблица 1
Структура валовой добавленной стоимости по секторам экономики России, %

Сектор	Годы										
	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Первичный	12,95	12,88	15,12	16,11	15,44	14,46	13,74	13,21	13,46	15,21	14,76
Вторичный	26,19	25,95	26,83	26,93	26,31	26,38	26,78	25,11	25,1	25,9	25,11
Третичный	60,86	61,17	58,05	56,96	58,25	59,16	59,48	61,68	61,44	58,89	60,13
Аграрный	6,29	6,26	3,62	4,97	4,52	4,41	4,40	4,68	3,87	4,36	3,87
Индустриальный	32,53	32,57	36,33	38,07	37,23	36,43	36,12	33,64	34,69	36,75	36,00
Сервисный	60,86	61,17	58,05	56,96	58,25	59,16	59,48	61,68	61,44	58,89	60,13

Источник: [21], собственные расчеты.

Приведённые в таблице 1 изменения удельных весов секторов в разграниченной по ОКВЭД валовой добавленной стоимости свидетельствуют о сопровождавшем экономический рост начала 2000-х гг. сокращении удельного веса сектора услуг (с 60,86% в 2002 г. до 59,16% в 2007 г.). В то же время удельный вес промышленного производства, наоборот, увеличивался, правда, разным темпом, в зависимости от модели секторного разграничения. Если, согласно разграничению по модели А-I-S, индустриальный сектор нарастил своё присутствие в структуре экономики в период 2002-2007 гг. на 3,58%, то, согласно разграничению по модели P-S-T, удельный вес вторичного сектора прибавил лишь на 0,19%. Учётно-статистический характер происхождения данного различия вполне очевиден: во вторичный сектор входят обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды, а также строительство, тогда как в индустриальный сектор сверх этого – добыча полезных ископаемых. Отсутствие последней в составе аграрного сектора при её включении в состав первичного сектора придало динамике удельных весов указанных секторов разную направленность движения: доля аграрного сектора сократилась на 1,88%, а доля первичного сектора приросла на 1,51%.

Приведённые в таблице 1 изменения удельных весов секторов в разграниченной по ОКВЭД валовой добавленной стоимости свидетельствуют о сопровождавшем экономический рост начала 2000-х гг. сокращении удельного веса сектора услуг (с 60,86% в 2002 г. до 59,16%

сектора был направлен в сторону понижения.

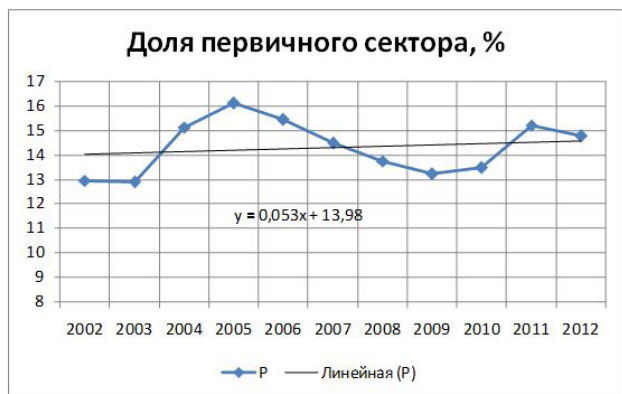

Рисунок 1. Тренд доли первичного сектора (P) в российской экономике

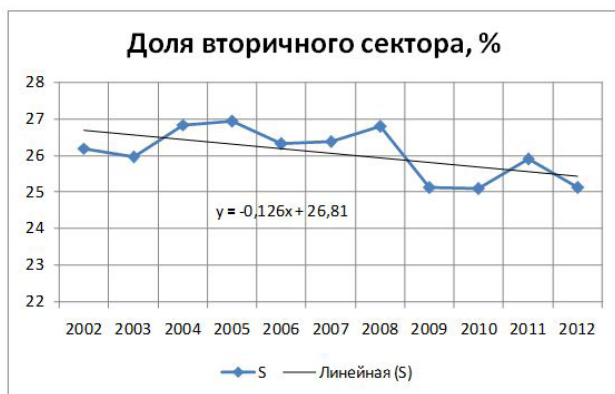

Рисунок 2. Тренд доли вторичного сектора (S) в российской экономике

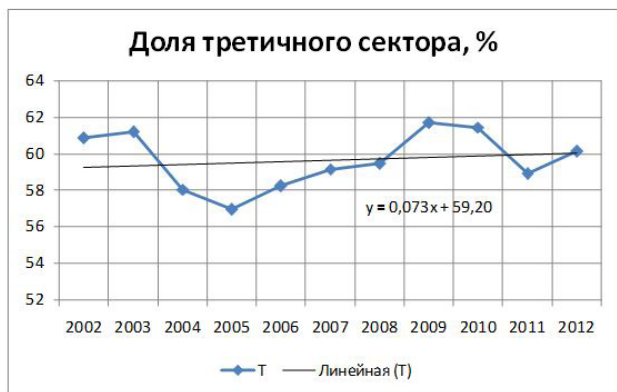

Рисунок 3. Тренд доли третичного сектора (T) в российской экономике

Рисунок 4. Тренд доли первичного сектора (P) в норвежской экономике

Структура валовой добавленной стоимости по секторам экономики Норвегии, %.

Таблица 2.

Сектор	Годы											
	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	
Первичный	20,61	26,61	22,94	26,61	28,32	25,32	28,99	20,58	22,70	24,70	25,25	
Вторичный	17,84	16,26	16,65	16,26	17,06	17,32	16,95	16,39	15,98	16,12	15,59	
Третичный	61,55	57,13	60,41	57,13	54,62	57,36	54,06	63,03	61,32	59,18	59,16	

Источники: [22], собственные расчеты.

Данные таблицы 2 свидетельствуют, что аналогичным образом, но интенсивнее, протекал в рассматриваемый период времени процесс изменения секторной структуры экономики в Норвегии. За десятилетие произошло увеличение в валовой добавленной стоимости страны доли только первичного сектора, составившее 4,64% (прирост, в 2,5 раза превысивший имевший место в российской экономике), тогда как доля вторичного сектора стала меньше на 2,25%, а третичного – на 2,39%. Кроме того, удельный вес первичного сектора в норвежской экономике более чем в 1,7 раза превысил величину этого показателя в российской экономике, зафиксировав более сильную зависимость от эксплуатации природных ресурсов. Подобно российскому третичному сектору, аналогичный норвежский имел наибольший удельный вес в экономике (среднее значение – 58,6% или на 1% меньше российского), причём колебания его доли были сильнее. Зато в сравнении с Россией первичный и вторичный секторы поменялись местами: первичный сектор находился на втором месте (в среднем составлял 24,8%, что на 10,5% больше российского значения), а вторичный сектор – на третьем (среднее значение равнялось 16,6%, т.е. на 9,5% меньше).

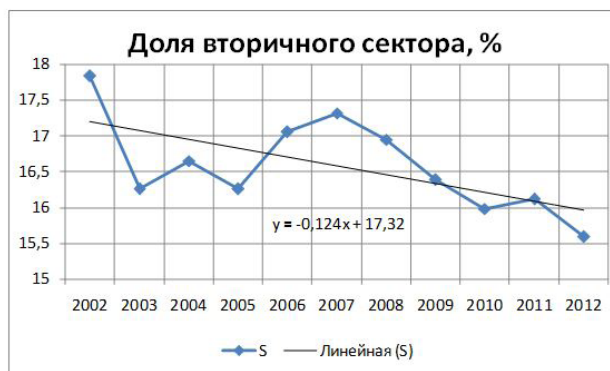

Рисунок 5. Тренд доли вторичного сектора (S) в норвежской экономике

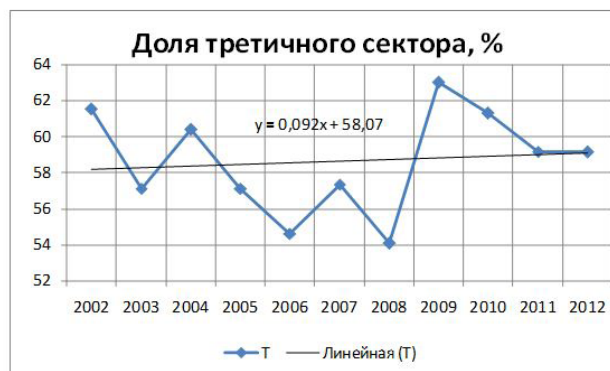

Рисунок 6. Тренд доли третичного сектора (T) в норвежской экономике

Рисунки 4-6 свидетельствуют об одинаковой направленности линейных трендов динамики долей аналогичных секторов норвежской и российской экономик при несколько больших величинах отклонений от средних за период 2002-2012 гг. значений долей секторов в Норвегии.

Применение мер из арсенала институциональной и

общеэкономической политики пока мало повлияло на продолжение негативной тенденции межсекторных сдвигов в экономике данной скандинавской страны, демонстрирующей в этом отношении худшие по сравнению с Россией параметры структурной трансформации и в динамике, и в статике. Пример зрелой рыночной экономики нефтегазодобывающей страны члена ОЭСР (ОЕСД) позволяет предположить, что без разработки и осуществления государством прогрессивной по содержанию селективной структурной политики возможное в будущем проведение либеральных экономических реформ в России может и не освободить страну от доминирования интересов властной группировки, связанной с эксплуатацией углеводородного сырья.

Описанная асимметричность секторного роста экономики наряду с далёкой от оптимальности аллокацией ресурсов проявляется и в неравномерности распределения доходов. Поток «нефтедолларов» из-за рубежа, увеличивая положительную эластичность спроса по доходу по неторгуемым товарам (non-tradable), приводит к росту относительных цен на них. Поскольку в отношении большинства услуг действует *uno-actu-prinzip* (принцип совпадения времени и места производства и потребления блага), то в третичном секторе в основном создаются неторгуемые на международных рынках товары. Оттого цены на услуги определяются главным образом ситуацией на внутреннем рынке, где возникает избыточный спрос на них вследствие увеличения нефтегазовых доходов. В данной связи логично ожидать частичного перемещения ресурсов из первичного и вторичного секторов, где преимущественно производятся торгуемые товары (tradable), в продуцирующий товары с повышенной эластичностью спроса по доходу третичный сектор.

Специальные режимы управления доходами государства от экспорта нефти в России и Норвегии вносят коррективы в процесс прохождения межсекторных сдвигов. Искусственное сжатие совокупного спроса посредством стерилизации избыточной экспортной выручки в стабилизационных фондах считается проверенным средством борьбы с инфляцией и с зависимостью ситуации в национальной экономике от конъюнктурных колебаний на международных сырьевых рынках. Вместе с тем, ограничение внутренних инвестиций и государственных расходов при таком управлении инфляцией, в случае немонетарного характера последней, может оказаться малодейственным и одновременно вызвать стагнацию во вторичном и третичном секторах. При слабости и посредственном качестве структуры экономического роста нам представляется целесообразным часть аккумулируемых в стабилизационном фонде «нефтедолларов» направлять вместо покупки высоконадёжных ценных бумаг иностранных эмитентов на приобретение долей участия в перспективных национальных компаниях, капитализация которых имеет отрицательную корреляцию с динамикой цен на углеводороды. Нахождение и поддержка противодействующей силы продолжающейся структурной деградации в виде потенциально конкурентоспособных современных производств, технологически не интегрированных в комплекс по добыче и экспорту нефти и газа, но в среднесрочной перспективе субсидируемых за его счёт, является актуальной задачей для российской и норвежской экономик. При этом без совершенствования механизмов перераспределения доходов и перелива капиталов рентные платежи и налоги на природопользование не дадут устойчивого, общеэкономически позитивного структурного эффекта.

Согласно уравнениям эконометрической модели межсекторных сдвигов изменения доли вторичного сектора в российской экономике ($y = -0,126x + 26,81$) и в норвежской экономике ($y = -0,124x + 17,32$), выражаемые через угловые коэффициенты наклона линии трен-

да, практически одинаковы (они равны, соответственно, $-0,126$ и $-0,124$), а сам угол наклона незначителен, т.е. процесс деиндустриализации шёл очень медленно. Динамика долей первичного и третичного секторов в обеих экономиках имела слегка повышающийся линейный тренд с незначительно различающимися по величине угловыми коэффициентами, что свидетельствует о низких темпах роста удельных весов указанных секторов. Темпы роста близки как по аналогичным секторам обеих национальных экономик, так и, пусть в меньшей степени, по первичному и третичному секторам экономики одной страны.

Статистическое изучение взаимных связей между динамическими рядами долей секторов в экономиках России и Норвегии дало следующие результаты. Сильная обратная зависимость была выявлена в изменениях первичного и третичного секторов: в российской экономике коэффициент корреляции долей указанных секторов ($r_{I,III}$) составил $-0,92$, в норвежской экономике равнялся $-0,97$. Отрицательное значение $r_{I,III}$ свидетельствует об обратной зависимости, при которой увеличение доли первичного сектора с большой вероятностью приводит к уменьшению доли третичного сектора и, соответственно, наоборот, рост доли третичного сектора вызывает сокращение доли первичного сектора. Корреляция сильная, что позволяет оценивать данную зависимость как определяющую для процесса межсекторных сдвигов. В изменениях между первичным и вторичным секторами ($r_{I,II}$) в российской экономике наблюдалась частичная прямая корреляционная связь ($0,44$), в норвежской экономике этой связи не было ($-0,07$). Причиной такого различия выступает сочетание высокой энергоёмкости российского промышленного производства с его скрытым субсидированием со стороны топливно-энергетического комплекса посредством продажи энергоносителей по заниженным в сравнении с мировыми внутрироссийским ценам. Особенно благотворно рост мировых цен на нефть и газ сказывается на широко представленных в российской промышленности производствах первого цикла обработки сырья, повышающих свою международную конкурентоспособность за счёт увеличившихся субсидий. Обратная корреляционная зависимость также присутствовала в изменениях вторичного и третичного секторов ($r_{II,III}$), только в российской экономике корреляционная связь являлась выраженной ($-0,76$), а в норвежской – слабой ($-0,16$). Данная российская особенность представляется нам следствием ранее описанной, поскольку услуги являются преимущественно неторгуемыми на международных рынках товарами и рост цен на нефть и газ оказывает на производство третичного сектора угнетающее воздействие.

Для описания зависимости между долями секторов воспользуемся линейным уравнением в стандартизованном масштабе, где – стандартизованная доля первичного сектора, и – стандартизованные секторные коэффициенты уравнения множественной линейной регрессии, а и – стандартизованные доли, соответственно, вторичного и третичного секторов. Например, коэффициент при показывает среднее изменение доли первичного сектора при изменении на 1 среднеквадратическое отклонение (δ) доли третичного сектора и условия постоянства среднего уровня вторичного сектора. Для России уравнение будет выглядеть следующим образом: . Так как величина $r_{I,III}$ намного больше величины $r_{I,II}$, то коэффициент перед в уравнении по абсолютному значению значительно превышает коэффициент перед , вследствие чего увеличение доли третичного сектора на $1\delta_{III}$ повлечет за собой (при неизменности средней доли вторичного сектора) уменьшение доли первичного сектора в среднем на $1,39\delta_I$. В случае с Норвегией уравнение принимает вид: . Здесь корреляция между первичным и третичным секторами

гораздо сильнее, чем между первичным и вторичным секторами и потому увеличение доли третичного сектора на 18% повлечет за собой (при неизменности доли вторичного сектора) уменьшение доли первичного сектора в среднем на 1,0181. Менее выраженная по сравнению с российской экономикой реакция на изменение доли третичного сектора со стороны доли первичного сектора в норвежской экономике объясняется заметно большим удельным весом в последней первичного сектора (в среднем на 10,5%), что понижает значение коэффициента. Влияние изменения доли вторичного сектора на долю первичного сектора незначительно.

Представленные практические аспекты применения модели разделения национальной экономики на первичный, вторичный и третичный секторы показали противоречивый характер становления постиндустриального общества. Желание сохранить характерную для индустриального общества структуру экономики, а также хотя бы частично скрыть высокую степень зависимости от эксплуатации полезных ископаемых привело к значительному отставанию с разработкой и введением в действие в ряде восточноевропейских стран соответствующих международным стандартам классификаторов видов экономической деятельности. В целях определения общего и специфического в секторном структурном развитии промышленно развитых нефтегазодобывающих стран с разной степенью зрелости рыночных отношений был исследован соответствующий процесс в России и Норвегии.

Проведенный корреляционно-регрессионный анализ с построением линейной модели взаимосвязи изменения долей секторов в российской и норвежской экономике в период 2002-2012 гг. подтвердил наличие в них последствий так называемой голландской болезни. Наиболее сильной связью в межсекторном развитии экономик России и Норвегии является обратная зависимость между изменениями первичного и третичного секторов. В обеих национальных экономиках обнаружены два слабо выраженных тренда структурных сдвигов, приводящих к их "примаризации" и терциаризации с последующей деиндустриализацией. В Норвегии величины коэффициентов корреляции между изменениями удельных весов в экономике первичного и вторичного, а также вторичного и третичного секторов настолько малы, что выражаемая ими связь может не приниматься во внимание. В России величины аналогичных показателей достигли уровня, требующего их учёта при анализе межсекторных связей.

Причиной такого различия между экономиками рассматриваемых стран нам представляется проведение в России государственной политики установления на внутреннем рынке заниженных по сравнению с мировыми цен на энергоносители. Моделирование трансформации секторной структуры российской и норвежской экономики подтвердило вывод о необходимости разработки и проведения специальной политики преодоления зависимости от экспорта сырья. Важным направлением этой политики может стать стимулирование роста тех производств третичного сектора, где создаются продукты с большой добавленной стоимостью и возникает общеэкономически сильный положительный эффект синергии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Fischer A.G.B. Production, Primary, Secondary and

Tertiary // *Economic Record*. 1939. Vol. 15. P. 24–38.

2. Fischer A.G.B. A note on Tertiary Production // *Economic Journal*. 1952. Vol. 62. P. 820–834.

3. Fourastie J. Die große Hoffnung des zwanzigsten Jahrhunderts. Köln–Deutz : Bund Verlag, 1954. 185 S.

4. Clark C.G. The Conditions of Economic Progress. London : Macmillan, 1940. 504 p.

5. Wolfe M. The Concept of Economic Sektors // *Quarterly Journal of Economics*. 1955. Vol. 69. № 3. P. 402–420.

6. Kuznets S. Economic Growth of Nations : Total Output and Production Structure. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1971. – 363 p.

7. Chenery H.B. Development patterns: Among Countries and Over Time / H.B. Chenery, L.J. Taylor // *The Review of Economics and Statistics*. 1968. 50. P. 391–416.

8. Pasinetti L.L. Structural Change and Economic Growth. Theoretical Essay on the Dynamics of the Wealth of Nations. – Cambridge : Cambridge University Press, 1981. 281 p.

9. Pasinetti L.L. Structural Economic Dynamics. A Theory of the Economic Consequences of Human Learning. – Cambridge : Cambridge University Press, 1993. 186 p.

10. Pasinetti L.L., Solow R. (Eds.) Economic Growth and the Structure of Long Term Development. / L.L. Pasinetti, R. Solow (Eds.). London : Macmillan, 1994. P. 14–29.

11. Arrow K. The Economic Implications of Learning-by-doing // *Review of Economic Studies*, 1962. 80. P. 155–174.

12. Romer P. Increasing returns and long-run growth // *Journal of Political Economy*. 1986. 94. P. 1002–1037.

13. Young A. Invention and bounded learning by doing // *Journal of Political Economy*. 1993. 101. P. 443–472.

14. Rybczynski T.M. Factor endowments and Relative Commodity Prices // *Economica*. 1955. 22 (88). P. 336–341.

15. Bhagwati J. Immiserising Growth : A Geometrical Note. // *Review of Economic Studies*, 1958. 25 (3). P. 201–205.

16. Ellman M. Natural Gas, Restructuring and Re-Industrialization: The Dutch Experience of Economic Policy // *Oil or Industry?* / Barker T., Brailovsky V. (Eds.). London : Academic Press, 1981. P. 27–29.

17. Cherif R. The Dutch disease and the technological gap // *Journal of Development Economics*. 2013. 101. P. 248–255.

18. Dülger F. Is Russia suffering from Dutch Disease? Cointegration with structural break / F. Dülger, K. Lopcu, A. Burgac, E. Balli // *Resources Policy*. 2013. 38 (4). P. 605–612.

19. Bjorvath K. Resource Curse and Power Balance: Evidence from Oil-Rich Countries. / K. Bjorvath, M.R. Farzanegau, F. Schneider. // *World Development*. 2012. 40 (7). P. 1308–1316.

20. Cheng W.L. An extended Heckscher–Ohlin model with transaction costs and technological comparative advantage // W.L. Cheng, J. Sahs, X. Yong, // *Economic Theory*. 2004. 23. P. 671–688.

21. Валовой внутренний продукт и валовая добавленная стоимость по видам экономической деятельности [Электронный ресурс] / Федеральная служба статистики РФ. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab10.xls>. – Загл. с экрана.

22. Statistics Norway. Gross domestic product, by main activity. Oslo : Statistical Yearbook of Norway, 2005–2013. 398 p.

DYNAMIC MODEL OF ANALYSIS OF SECTORAL STRUCTURE OF NATIONAL ECONOMIES WITH
RAW MATERIAL EXPORT SPECIALIZATION

©2015

V.A.Perepelkin, Doctor of economical science, professor
Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara (Russia)
E.V.Perepelkina, Student of Faculty of Economics and Management
Samara State Aerospace University, Samara (Russia)

Abstract. The paper presents economic-mathematical model of analysis of Russian and Norwegian economies sectoral structure dynamics. A comparative analysis of occurred structural changes was performed, proposals for reduction of dependence on raw materials export were made.

Structureforming impact of minerals extraction on Russian economy by usage of sectoral division by P-S-T model consists in growth of relative share of primary sector. The process of change of sectoral structure of Norwegian economy over the reviewed period occurred similarly, though intensively. Corresponding sectors of Russian and Norwegian economies have the same dynamics of their shares although deviations from the average in Norwegian economy were more expressed than in Russian. Asymmetry of sectoral growth is evident from inoptimal resource allocation as well as inequality of income distribution. Procedures of management of state incomes from oil export in Russia and Norway are adjusting a process of intersectoral shifts. We identified most strong connection in intersectoral development of economies of Russia and Norway, which is an inverse relationship between primary and tertiary sector shares. Supporting force opposing continuing structural degradation, such as potentially competitive modern industries that are not technologically integrated into the oil and gas extraction and export complex, but are subsidized in the medium-term by its revenues, is a task of the utmost importance for Russian and Norwegian economies.

Keywords: deindustrialization; Dutch disease; intersectoral change; non-tradable goods; oil extraction; sector; tertiarization.

УДК 8Р1(С 173)
ББК 83.3 (2Рос=Рус) (С 173)
П 80

ПЕРОВСКИЕ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
(ОРЕНБУРГСКИЙ АСПЕКТ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРОВСКИХ)

@ 2015

А.Г. Прокофьева, доктор педагогических наук, профессор кафедры литературы и методики преподавания литературы
Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург (Россия)

Аннотация. Для изучения процесса развития русской литературы важны не только тексты художественных произведений, литературные журналы и газеты, альманахи, литературные кружки, но и истории жизни деятелей культуры, искусства, установление литературных связей писателей, выявление роли определенных мест в их жизни и творчестве. В статье на примере семьи Перовских показана жизнь деятелей культуры в России в XIX в., отмечена значимость вклада в литературу ряда членов семьи Перовских — А.А. Перовского (Антония Погорельского), автора романтических новелл, известной сказки «Черная курица, или Подземные жители», создателя первых русских фантастических повестей; поэта, прозаика и драматурга А.К. Толстого (по материнской линии Перовского), написавшего «Князя Серебряного», «Историю государства Российского от Гостомысла до Тимашева» и многочисленные романы; Александра Михайловича Жемчужникова (из семьи Перовских по материнской линии), одного из создателей, наряду с А.К. Толстым и своими братьями Алексеем и Владимиром, знаменитого литературного персонажа Козьмы Пруткова. Особое внимание уделено оренбургскому аспекту жизни и деятельности В.А. Перовского как оренбургского губернатора, его дружбе с поэтами В.А. Жуковским, А.С. Пушкиным, прозаиком и ученым В.И. Далем, художниками - братьями А. и К. Брюлловыми. В статье рассмотрены некоторые факты из жизни В.А. Перовского, отраженные в письмах Н.В. Гоголя, А.О. Росета, объяснен интерес Л.Н. Толстого к личности В.А. Перовского, послужившего прототипом для создания образа Пьера Безухова (эпизод нахождения в плену) в романе «Война и мир». Статья основана на архивных документах, мемуарных и эпистолярных источниках.

Ключевые слова: русская литература; Перовские; литературная жизнь; литературные связи; Оренбургский край; мемуарное и эпистолярное наследие; литературные герои; прототипы; литературные места.

Фамилия Перовских известна в русской истории и литературе. Перовские — это дети А.К. Разумовского (1748 — 1822), сына гетмана Украины, графа, министра народного просвещения, принимавшего участие в организации Царскосельского лицея и управлении им. (На А.К. Разумовского Пушкиным была написана эпиграмма). Фамилию Перовские дети А.К. Разумовского получили в связи с тем, что они были внебрачными, по названию имения отца — Перово.

Связи Перовских с русской литературой многочисленны и различны. Так, Алексей Перовский (1787 — 1836; литературный псевдоним — Антоний Погорельский) вошел в русскую литературу как филолог, прозаик, автор сказки «Черная курица, или Подземные жители», романа «Монастырка», книги «Двойник». Литературоведы считают, что сказочно-фантастическая повесть А. Погорельского «Лафертовская маковница» предваряла прозу А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя.

Известно о дружбе и литературном сотрудничестве А.А. Перовского с А. Пушкиным и А. Дельвигом,

П. Вяземским. В 1828 году Пушкин читал у А. Перовского «Бориса Годунова». Очевидно, А.А. Перовский в 1833 году содействовал переезду В.И. Даля в Оренбург на службу к своему брату В.А. Перовскому (назначенному оренбургским губернатором) в тот период, когда Далю надо было укрыться от «ока жандармов» и уехать из столицы.

Алексей Перовский приезжал в Оренбург к брату Василию в 1833 г. В 1835 году Алексей, Василий и Лев Перовские становятся компаньонами по владению одним из золотых приисков в Оренбургской губернии.

Лев Алексеевич Перовский (1792 — 1856) — граф, участник Отечественной войны, министр внутренних дел и уделов России, у него после Оренбурга служил чиновником В.И. Даль.

В молодости Л.А. Перовский занимался литературным трудом, издал несколько брошюр — переводов с французского на нравственно-религиозные темы, позже увлеклся археологией. В его честь назван обнаруженный в 1839 году в Уральских горах минерал «пе-